

## ТВОРЧЕСТВО А. ПЛАТОНОВА В ОТЗЫВАХ В. БОКОВА (ПО ПИСЬМАМ А. ПЛАТОНОВУ 1940-Х ГГ.)

Е. В. Антонова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

Поступила в редакцию 10 сентября 2024 г.

**Аннотация:** статья знакомит с высказываниями о творчестве А. П. Платонова, содержащимися в письмах поэта В. Ф. Бокова 1941–1947 гг. Одновременно с этим уточняется история переписки Бокова с Платоновым в указанный период.

**Ключевые слова:** А. П. Платонов, В. Ф. Боков, переписка, книга «Река Потудань», рассказ «Семья Иванова».

**Abstract:** the article introduces the statements about the literary work of A. P. Platonov contained in the letters of the poet V. F. Bokov 1941–1947. At the same time, the history of Bokov's correspondence with Platonov during the specified period is being clarified.

**Keywords:** A. P. Platonov, V. F. Bokov, correspondence, the book «Potudan River», the story «Ivanov's Family».

Главная цель настоящей публикации — познакомить читателя с отзывами о творчестве А. Платонова, написанными поэтом В. Боковым в крайне непростых жизненных обстоятельствах без какой-либо оглядки на позицию «официальной» критики. Отзывы эти содержатся в письмах к Платонову 1941–1947 гг., выявленных к настоящему времени: 1) от 26 октября 1941 г. (почтовая карточка); 2) от 30 июня 1942 г.; 3) от 22 августа 1944 г.; 4) от 6 декабря 1945 г.; 5) от 3 апреля 1946 г.; 6) от 4 мая 1946 г.; 7) от 28 июня 1946 г.; 8) от 7 августа 1946 г.; 9) от 10 августа 1946 г.; 10) от 28 августа 1946 г.; 11) от 5 сентября 1946 г.; 12) от 9 октября 1946 г.; 13) от 23 января 1947 г. (почтовая карточка); 14) от 30 января 1947 г.; 15) от 20 февраля 1947 г.; 16) от 27 марта 1947 г.; 17) от 10 сентября 1947 г. (почтовая карточка). Письмо 1 отправлено из Чистополя, 2 — из Виленского пехотного училища, базировавшегося в г. Сталинск (совр. Новокузнецк), остальные — из Верхнечембулинского района Кемеровской области, где осужденный Боков отбывал наказание по статье 58–10, часть II (письма 4, 8, 11, 12, как следует из их содержания, были переданы Боковым с оказией)<sup>1</sup>. Из писем можно понять, что ответные послания Платонова Боков получил трижды: 4 мая (письмо Платонова от 22 апреля, см. [2, 196–197]), в начале сентября 1946 г., а также в феврале 1947 г. (письмо Платонова от 7 февраля, см. [2, С. 199]). По архивохранилищам письма распределены следующим образом: 5–8, 16 — ОР ИМЛИ

(Ф. 629), остальные — РО ИРЛИ (Ф. 780)<sup>2</sup>.

Изолированность от литературной и вообще культурной жизни сильно тяготила Бокова, поэтому рефреном практически во всех его письмах звучат просьбы о присылке книг и даже рукописей известных ему до войны рассказов Платонова (справедливым будет отметить, что Боков также просил о присылке вообще любых литературных газет и журналов). Прежде всего, речь идет о книге «Река Потудань», экземпляр которой Боков захватил с собой, уезжая в Чистополь, но позже утратил: «Бесконечно счастлив был бы получить экземпляр “Реки Потудань” — ведь это единственная книга, которую я увез, уходя из Москвы в 41 году! И ее нет со мной теперь» (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 43. Л. 29 об.).

Желание Бокова довольно скоро исполнилось, но книга была послана ему не Платоновым, прямой контакт с которым тогда еще не возобновился. Вероятно, в то время некоторые известия о жизни Платонова и приветы от него доходили к Бокову через редактора журнала «Дружные ребята» В. Елагина<sup>3</sup>.

В день получения книги, 3 апреля 1946 г., Боков написал ее автору воодушевленное письмо: «Сегодня в моем сердце так много высоких дум и счастья: я думаю о тебе, я держу в руках сборник “Река Потудань” и не могу оторваться от его строк, затягиваю-

<sup>1</sup> Материалы следственного дела Бокова см. [1, 614–632]

<sup>2</sup> Общий обзор писем и прочих материалов Бокова, включенных в этот фонд, см. в исследовании В. Шошина [2; 173–175, 194–205].

<sup>3</sup> См. в письме от 3 апреля: «Ваши редкие приветы из писем других я получал всегда с трепетом» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 7 об.; письмо 5). В. Елагин упоминается в письмах Бокова от 6 декабря 1945 г., 3 апреля, 4 мая, 28 июня, 9 октября 1946 г., 30 января 1947 г.

щих в пучину бесстрашия мысли, чувства и правды. Я еще раз напишу тебе о том, что в октябре 41 года, когда я все оставил и уезжал из Москвы, я взял только одну книгу с собой, твою “Реку”. И вот много лет с тех пор я не видел ее и не держал в руках, а сегодня — какое счастье — она пришла ко мне из украинских земель, посланная Евдокией Фесенко. Я читаю, перечитываю ее и вижу, что в ней есть самое редкое качество — сколько бы ее ни читал, она не надоедает, и каждый раз все действует и действует на сердце, как хорошая музыка, созданная гением или сердцем народа. Пытаюсь найти, как рассказы сделаны и не могу: таков закон всего редкостного, оно неразложимо. Дорогой Андрей Платонович, я всегда был и остался самым лучшим вашим другом, ваше торжественно-певуче-печальное творчество экзальтировало меня вплоть до какого-то сплошного одухотворения и готовности на подвиг. В ваших строках везде глядит скорбная печаль древнего лика России, той силы, что поила народ и делала его сильным, терпеливым и героически тихим» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 7–7 об.). Написал Боков и о впечатлении, производимом книгой на окружающих его людей: «Я много говорил о вас за все время разлуки и сегодня говорил людям, которые с восторгом читали “Реку Потудань”. Они не знали вас никогда, теперь узнали и прошли не мимо, как по обычному, заезженному прозаику, а полюбили вас и заволновались и вышли из оцепенения и равнодушия в живую мысль и живое слово» (Там же. Л. 7).

Платонов ответил Бокову на это письмо. Долгожданный ответ, написанный 22 апреля, достиг адресата уже 4 мая. И в тот же день Боков написал странное письмо, начинавшееся словами: «Дорогой, незабвенный Андрей Платонов! Я не пишу Платонович, потому что хочу подчеркнуть всю красоту, всю значительность для меня этого литературного имени. Сегодня утром увидел ваш почерк и обрадовался ему до биения сердца, которое все еще чувствует и не становится камнем. Я хорошо помнил ваши рукописи, писанные неизменно простым карандашом, ваши щедрые интервалы между строк и ваш неспешающий, задумчивый, мудрый почерк, в котором даже пометки опрятны и не пугают и не нервничают<sup>4</sup>. И вот он передо мной. Как дорого! С того дня, как я писал вам о книге, я не расстаюсь с ней, и каждый день читаю ее и слушаю ее великую, значительную, печальную музыку. Уверен, что в целом свете нет еще такого читателя вашего, каким являюсь я; неисходно щедро требует и требует моя душа чтения ваших фраз. Можно поверхностно заключить, что это происходит потому, что я лично знал вас. Но ведь я знал лично и Пастернака, и Федина, и Пришвина, и Л. Леонова, и В. Иванова — но почему же никто так не приковал,

<sup>4</sup> По некоторым письмам Бокова к Платонову можно видеть, что иногда он даже подражал почерку Платонова.

как Андрей Платонов?» (Там же. Л. 8).

Далее Боков с упоением погружается в анализ рассказов сборника, начиная с «Такыра» и «Фро»: «Тут один из читателей, бывший зам. председателя московского облсуда, дававший срока и ныне сам схвативший пятнадцать, дующийся и пыжающийся в ценители истинной литературы, сказал мне о том, что сцена с Заррин-Тадж и Атах-Бабой на песке натуралистична. Я улыбнулся, я даже не стал возражать ему, а сам подумал, что такой величественной, библейски-красивой и беспощадной в трезвости видения сцены я не знаю ни у кого из русских писателей<sup>5</sup>. Глаза Атах-Бабы “не устающие и не счастливые” преследуют меня, — это фразы гения. Движущийся под Заррин-Тадж песок пустыни исполнен какой-то загадочной символической тайны, в которой угадан великий смысл всего бытия, зарегистрированного на земле не только человеком, не только сверхчеловеком или кузнечиком, но даже и песчинкой! Для меня полностью приемлема эстетика вашего словаря, например, исключительно привлекательная фраза “река громила чинару под корень”, при помощи слова “громила” утверждается маленький драматический конфликт, в котором река буйствует и громит чинару, а чинара тоже буйствует и не сдается реке, встречаются две силы и в этой встрече, несмотря на борьбу, жертв нет. Мало того, чинара даже камень берет и подымает вверх, вживая его в себя. Что-то есть веселое и грозное в этой фразе. Так могут писать только поэты, понимая поэта не в условности размера и рифмы. Везде, в каждой фразе какое-то слитное, нерасторжимое поэтическое единство и мастерство. Даже такая фраза из “Фро” — “этот волос мог принадлежать только Федору” обнаруживает художника, сим сказано: Фро была верна Федору. Это от ее имени сказано, она-то уж знает! А напиши фразу — “Фро была верна Федору” — запахло бы бульварщиной, плохой прозой. Везде истинный вкус, везде умное художество, о котором у нас много говорят, но часто не видят. В рассказах о любви нет эротики: писать о любви — это испытывать себя на самой трудной пробе вкуса, нигде у вас нет оступлений <sic!>, везде истинный вкус» (Там же. Л. 8–8 об.).

Особенно интересными кажутся в этом письме размышления над одним из самых загадочных

<sup>5</sup> Этот сюжет, связанный с «Такыр», будет повторен и в письме Бокова от 10 августа 1946 г.: «...встречающиеся на пути люди — все дилетанты и им надо начинать преподавание закулисной истории литературы с азов. Например, один из таких лжезнатоков литературы, прочтя рассказ “Такыр”, сказал, что сцена любви Атах Бабы с Заррин Тадж полна грубости и натурализма. Что я ему мог сказать? Улыбнуться и все, от бессилия озлиться на убогого умишку. Сцена эта одна из шедевров русской литературы, она торжественна, библейски красива, она не имеет себе равных» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 30; письмо 9).

рассказов Платонова, давшим название всей книге: «В рассказе “Река Потудань”, мне кажется, вы испугались и не сказали всего в угоду большинства людей, созданных на размножение, Никита же Фирсов создан на удавление <sic!><sup>6</sup> — это великая душа. Вы говорите — “однако Никита не узнал от близости с Любой той высшей близости, что знал раньше”. Это верно истине, но чтобы оправдаться у большинства, он познал бедное, но необходимое наслаждение, с помощью жестокой и жалкой силы. Вы хотите сказать, что творческая, духовная сила любви выше и сильнее производящей людей, да — это мысль гения, она за предельна, но уж взялся, не трусь. Эта мысль выше медицинского патолого-анатомического диагноза состояния Никиты и его любви, вот почему тот же читатель, что обвинил вас в натурализме за сцену на песке, обвинил вас и в “Реке” за чудеса потенции Никиты. Я почти разрастаюсь в критическую статью своим письмом, но пойми меня, дорогой Андрей, что с октября 41 года я не встретил действительно глубокого собеседника по нашему высокому поприщу — а ведь я им жил, я был счастлив, когда говорил с вами у вас целые сутки, и когда вы на вопрос Марии Александровны “Сколько же вы можете говорить с Виткой?” отвечали: “До полного обветшания!”» (Там же. Л. 8 об. — 9).

Не будучи уверенным, что его письмо от 4 мая получено, в следующем письме от 28 июня 1946 г. Боков вновь пишет о книге: «Не знаю, получили ли вы мое письмо со стихами — ответ на ваше апрельское письмо. В нем я подробно писал свои новые впечатления от “Реки Потудани”, которую здесь имею и читаю каждый день по две — по три странички. В ее ритме я чувствую великое, терпеливое напряжение жизни; в ней есть торжественность Шекспира. Один из моих новых знакомых, мудрый старичок русский прочитал и сказал “великая музыка”. Это так» (Там же. Л. 11).

Читая в лагере «Реку Потудань», Боков знал уже о существовании книг Платонова военного времени — «Рассказы о Родине» и «В сторону заката солнца». О них говорилось в статье О. Грудцовой «Рассказы Андрея Платонова» в журнале «Новый мир» (1945. № 8), присланном Бокову Елагиным. Начиная с 3 апреля 1946 г. вплоть до февраля 1947 г., просьба о присылке теперь уже этих книг рефреном будет звучать практически в каждом письме к Платонову<sup>7</sup>, как и просьба прислать рукописи рассказов «Родина электричества», «Июльская гроза», «Жизнь в семействе» (опубликованная редакция рассказа «Среди животных и растений»), «В прекрасном и яростном мире» и др. Эта просьба, к сожалению, не была выпол-

нена, иначе в письмах Бокова мы имели бы возможность читать сейчас отзывы и на военные рассказы. Однако в начале 1947 г. Боков прочел в «Новом мире» (1946. № 10–11) рассказ Платонова «Семья Иванова», узнал он и о разгромной критике этого рассказа. Свою осведомленность Боков обнаруживает в письме от 30 января 1947 г.: «Из письма Елагина я узнал, что вам очень плохо, туберкулез и разрушительные палочки Ермилова<sup>8</sup> мешают жить» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 38). А 27 марта в Москву отправляется большое письмо, призванное поддержать Платонова: «И до нашего глухого уголка дошло печатное слово ваше, освещенное светом правды и разума. Я хочу вас обрадовать: вы написали истинно-народный рассказ. Когда я прочитал подвальную статью в “Правде”<sup>9</sup> и слова “обывательский, грязноватый, пошлый рассказец”, я сразу насторожился и в злопахательстве необоснованных эпитетов оценки увидел не критику, а старые, личные счеты и сознание: можно отомстить, подходящее время. Теперь, когда я прочитал рассказ, я хочу зажечь вас радостью и этой радостью нейтрализовать инъекцию критического яда, который так или иначе у вас должен был от всей этой шумихи быть. Рассказ истинно народен потому, что он отвечает на вопрос миллионов современных людей, пришедших с фронта в оставленные семьи. За четыре-пять лет разлуки редкий мужчина или женщина не изменили хотя бы раз, если не физически, то хотя бы в минутных помыслах о возможности физического сближения с мужским или женским началом вна брачного закона и брачной верности, потому что таковую брачную близость нельзя было в эту минуту иметь. И вот вновь сходятся два разлученных, имеющих детей. Они узнают друг о друге — это их оскорбляет лично. Как тут быть? Многие уходят, бросают детей. Как тут быть? — Задаете вы вопрос народу всему нашему — и отвечаете на него: семья как основной очаг воспитания человека, воспитания детей, выше всего, выше мелких ссор и ревностей. Ответ мудрый и справедливый, он осторожно поучает народ. Он в высшей степени нравственен той нравственностью, которой Л. Толстой не находил у Мопассана. <...> В рассказе вы женщину ставите выше мужчины. Это хорошо. Так уже повелось, что женщина обязана быть верной, а мужчине можно пошаливать. Вы это разбиваете. Да, к женщине мы должны быть снисходительнее. Она — мать, она — рождает детей и в основном растит их — может ли быть более героически-трудного подвига, чем этот? Итак, дорогой друг, жму руку, целую Вас, сыновней

<sup>8</sup> Боков обыгрывает название возбудителя туберкулеза (палочки Коха), имея в виду критическую статью критика В. Ермилова «Клеветнический рассказ А. Платонова» (Литературная газета. 1947. 4 января. С. 4).

<sup>9</sup> Речь идет о статье А. Фадеева «О литературно-художественных журналах» (Правда. 1947. 2 февраля. С. 3).

<sup>6</sup> Возможно, здесь описка в слове «удивление».

<sup>7</sup> См. в письме от 3 апреля: «...я не теряю надежды встретить в этих книгах нигде не теряющееся ваше. Оно поможет мне осознать грандиозность пережитых народом нашим скорбей» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 7 об.).

любовью своей по-прежнему всей душой люблю вас, как кровного литературного отца» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 5–6 об.).

Боков высказывается не только о проблематике рассказа, но и об изменениях в стиле Платонова: «Все мои знакомые здесь читают рассказ и говорят: “Да, правдивый, жизненный рассказ”. Прекрасно написан разговор отца Иванова с Любой, момент эгоистического ожесточения ревности. Может быть, Петруша немного навязчиво серьезен, но это сгущенные краски, прием гротеска, пафоса найденной черты характера. А меня как самого внимательного читателя вашего удивило новое качество в вашем творчестве. Типично ли оно для всех ваших рассказов времени Войны — не знаю. “Семья Ивановых” <sic!> написан без обычного вашего стилизового воодушевления строя фразы. Очевидно, вы немного поустали и свою буйность поэтического напряжения письма сменили на эпическую спокойность разума. Почти нет эпитетов, все просто — этим рассказ всем рядовым, неподготовленным читателям ближе. Мастерство высшего порядка доступно очень немногим. Даже среди писателей очень немногие его чувствуют и понимают, большинство восторгается им по инерции и по рабской опаске, как бы не попасть в число непонимающих» (Там же. Л. 6–6 об.)...

Считая Платонова «кровным литературным отцом», Боков отдавал должное и другим своим учителям: «Три имени для меня остались дорогими, как учителя: Платонов, Пришвин, Пастернак. Последний не влиял на меня при личном общении, но когда я с ним расстался, то он ожил в моей крови, как-то преломляясь через Русь и народность слова» (Там же. Л. 14 об.; письмо 8), «Мне написал письмо Пришвин, чему я очень рад. Ведь я у него в доме вырос, и он материковый писатель, от земли и от России. Он поэт. Сначала я учился у него, потом у вас, и еще много оказал влияния на меня Пастернак — вот эти три П с большой буквы в моей крови. И вы не обижайтесь, что я вас в себе совмещаю и вы во мне не ссоритесь, а цементируете душу» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 40–40 об.; письмо 15). Нет, однако, оснований не верить тому, что Платонов занимал среди перечисляемых первое место. Именно Платонову Боков вверил свою судьбу, пытаясь в августе 1944 г. передать из заключения письмо Сталину: «Все, что сказано в большом письме к человеку, воплотившему в своем имени волю народов, я считаю достаточным для моего возвращения — большего я ничего сделать не могу. Вы единственный, кто может сделать вручение его лично Ему через Шолохова. <...> Если письмо это получит лично он, я надеюсь на то, что он все поймет и решит. <...> В Москве у меня никого больше нет, кто бы мог скорее Вас сделать это» (Там же. Л. 27 об.—28; письмо 3)<sup>10</sup>.

<sup>10</sup> Судьбой этого письма Боков интересуется позже

Очевидна искренность Бокова, когда в состоянии близком к отчаянию он пишет в августе 1946 г.: «Дорогой Андрей Платонович, я по вас много раз смертно начинал тосковать. Никто для меня не был такой сильной опорой и таким сильнодействующим средством в импульсах жизни и творчества, как вы. Так и осталось. Не раз я загорался весь при воспоминании о вас и о той нежной дружбе моей с вами, которая у нас была. Я чувствовал так много отеческой заботы вашей на себе. Когда, случалось, мы прощались поцелуем <...> в этом выражалось мое обожание вас и преклонение перед вами как перед истинным творцом со скромным мыслящим напряженным лицом, с печалью серых глаз и постоянной внутренней работой над собой. А с вашей стороны чувствовалась в поцелуе любовь и желание, чтобы я сделал много в искусстве. Я бесконечно много раз думал о вашем творчестве, я слышу его пульс, слышу его трагически красивое напряжение; мелодия ваша порой не сложна, но она настолько глубока, что доходит до физической силы. Пожалуй, основная ваша канденция: мир прекрасен и яростен. Вы срываете все маски с красивой мишуры обмана, развенчиваете пускание прекраснотушных слюней и иллюзий, вы показываете, что за добром постоянно охотится зло и настораживаете это добро против наветов зла. Кажется мне, что о вашем творчестве я читал бы целый курс литературы. Люблю, люблю вас, Андрей Платонов и хочу, чтобы вы жили, и хочу прочесть вам все написанное за время разлуки. Побейте сильно, еще лучше встану на ноги; похвалите очень — тоже возрадуюсь и загорюсь» (Там же. Л. 31–31 об.; письмо 10).

«Смелый и беспощадный писатель с пророческой решимостью» (Там же. Л. 26 об.; письмо 2), «самобытный драгоценный камень в сияющей короне духа нашей нации, нашего народа» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 13; письмо 7), «истинный друг духа, мысли, красоты и моего народа» (Там же. Л. 15; письмо 8), «незабвенный рыцарь художества» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 41; письмо 17) — так, поэтически возвышенно, именовал Боков Платонова, и предвкушал, переходя на восторженное ты: «...когда я тебя увижу, это будет для меня счастье. Я сразу взмою высоко, как орел» (Там же. Л. 36 об.; письмо 12)...

Личное общение двух писателей продолжилось и по возвращении Бокова из Сибири. В архиве Платонова, поступившем в ИМЛИ, сохранились подборки стихов Бокова 1948–1949 гг., часть которых —

в письмах 1945, 1946 гг.: «Но что слышно с тем письмом — кому его передал Шолохов? Никаких следов» (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 29; письмо 4); «Где мое письмо И. В. С<талину>? Сейчас бы по нему могли что сделать» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 9 об.; письмо 6); «Кому и когда передали мое письмо И. С<талину>? Не надо ли написать еще? Кому? Как? Сообщите мне. Поверьте, что больше нельзя» (Там же. Л. 13 об.; письмо 7).

с посвящением «А. П.», юмористические записки, призванные поднять настроение больного друга... и среди поздней переписки такое вот свидетельство попыток творческого сотрудничества: «Пробовал я [Боков.— Е. А.] писать “Ноев ковчег”, но все сжег: сплошная дрянь идет из-под пера. Может, как<нибудь> пойдет с другого бока. <...> Может быть, мы с тобой доработаем мою пьесу “Дуб идет” и дадим в театр, т.к. “Брат океана”<sup>11</sup> остыл от этого и вряд ли с ним я впрягусь в одно ярмо — слишком разные кисти у нас. А потом, тема “Ноева ковчега” только лишь политическая, а на моих ладонях таких углей не держать, просыплю. Да и тебя надо двоим за руки держать все время, чтобы не ударил кому в ухо. Вот

<sup>11</sup> Подразумевается писатель А. Кожевников, автор романа «Брат океана».

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН  
Антонова Е. В., кандидат филологических наук, стар-  
ший научный сотрудник  
E-mail: antonova.imli@gmail.com

сказки я могу помогать делать <...> Числа десятого декабря я зайду и потолкуем обо всем»(ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 25; письмо от 1 декабря 1949 г.).

Все эти материалы еще требуют дальнейшей разработки.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. «Мы предчувствовали полыханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. — В 2 т. — Т. 2. Кн. 1 / Рук. коллектива Т. М. Горяева; сост. В. А. Антипина, З. К. Водопьянова, Т. В. Домрачева. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 768 с.

2. Шошин В. А. Из писем к Андрею Платонову. (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) / И. А. Василенко // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. — СПб.: Наука, 1995. — 357 с.

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian  
Academy of Sciences  
Antonova E. V., PhD in Philology, Senior Researcher  
E-mail: antonova.imli@gmail.com